

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС 1935 г.)

© 2001 г. А. Ю. Ватлин, А. Р. Канторович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

29 июля 1935 г. в специальной коллегии Московского городского суда началось рассмотрение ординарного дела по обвинению в “контрреволюционной деятельности”, за которую печально известная 58-я статья УК РСФСР обещала наказание вплоть до смертной казни. Неординарным был состав подсудимых – трое видных ученых, профессоров, оставивших заметный след в археологии: Алексей Степанович Башкиров (1885–1963), Илья Николаевич Бороздин (1883–1959) и Алексей Алексеевич Захаров (1884–1937?).

Основные вехи научной деятельности А.С. Башкирова и И.Н. Бороздина к настоящему времени освещены в ряде работ, в том числе в их некрологах, опубликованных в журнале “Советская археология” (Москаленко, 1960; 1963; Пятышева, 1963; Боброва, 1986; из последних сообщений см.: Смирнов, 1998; Носкова и др., 2000. С. 154). Кроме того, когда эта статья уже была подготовлена, из печати вышла книга “Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина”, содержащая подробнейшую и всеобъемлющую биографию ученого, написанную П.А. Бороздиной (Бороздина, 2000)¹. Менее освещена творческая деятельность А.А. Захарова; она была охарактеризована М.А. Миллером и А.А. Формозовым (Miller, 1956. Р. 56, 60, 89; Формозов, 1998. С. 198; см. также краткие сведения о работе А.А. Захарова в ГИМ в книге: И за строкой воспоминаний..., 1997. С. 116, 268).

О личных судьбах этих ученых, в том числе об их репрессировании, впервые было сказано в трудах А.М. Талльгрена и М.А. Миллера (Tallgren, 1936. Р. 149; Miller, 1956. Р. 100, 101). Значительное внимание этому факту уделил в своих работах по истории отечественной археологии А.А. Формозов (1995. С. 47; 1998. С. 197, 198). Он предположил, что их арест относится к самому началу 30-х гг. и является частью большой кампании по разгрому РАНИОН. А.А. Формозов также отметил, что о жизни этих ученых непосредственно после их высылки в Казахстан, в особенности о судьбе А.А. Захарова, известно крайне мало. Впрочем, в отношении И.Н. Бороздина эта лакуна теперь восполнена вышеупомянутым исследованием П.А. Борозди-

ной; здесь, в частности, используются материалы проходившего в Казахстане следствия 1937 г., которое осуществлялось в отношении И.Н. Бороздина, причем другим подследственным был А.А. Захаров (Бороздина, 2000. С. 108–112)².

В основу же предлагаемой статьи легли материалы более раннего следственного дела, освещающего обстоятельства вышеупомянутого следствия и суда в 1935 г. в Москве в отношении А.С. Башкирова, И.Н. Бороздина и А.А. Захарова (Дело по обвинению Башкирова...) и позволяющего, во-первых, уточнить существенные факты биографии этих ученых, во-вторых, рассмотреть более детально один из показательных эпизодов в истории отечественной науки³. Из материалов дела стало ясно, что все трое были арестованы в начале 1935 г. (А.С. Башкиров – 8 января, И.Н. Бороздин и А.А. Захаров – 14 февраля)⁴. До того ни А.С. Башкиров, ни И.Н. Бороздин не подвергались аресту и суду (Дело по обвинению Башкирова... Л. 5, 14), тогда как А.А. Захаров однажды уже арестовывался и обвинялся по ст. 58-10, 58-11 (“контрреволюционная деятельность”). После этого ареста, состоявшегося, очевидно, 25 января 1934 г., он находился в тюрьме до 2 апреля 1934 г. и затем был выпущен на свободу с приговором Особого совещания об условной высылке “в Северный край” сроком на два года (Дело по обвинению Башкирова... Л. 21, 22 об, 126 об.)⁵.

Анкеты арестованных сообщают о том, что на момент задержания в 1935 г. все они жили в Москве: А.С. Башкиров был научным сотрудником Все-

² Реквизиты следственного дела, по данным П.А. Бороздиной: Центральный архив Министерства безопасности СССР. Архивное следственное дело № 451314. Общий следственный фонд 3377 е-55 (Бороздина, 2000. С. 168).

³ В исследовании П.А. Бороздиной также нашли отражение некоторые обстоятельства следствия и суда 1935 г. (Бороздина, 2000. С. 108–111), однако, насколько нам известно, детальный анализ соответствующего дела до сих пор никем не предпринимался.

⁴ Ср. исследование П.А. Бороздиной; к сожалению, в этой работе инвертирована последовательность арестов А.С. Башкирова и И.Н. Бороздина (Бороздина, 2000. С. 108, 109).

⁵ Считать 25 января 1934 г. наиболее вероятным днем первого ареста А.А. Захарова позволяет нам то, что в справке, содержащейся в изучаемом деле, именно эта дата указана как срок отсчета условной высылки (Дело по обвинению Башкирова... Л. 21).

¹ Мы благодарим А.А. Формозова за любезное сообщение об этом издании.

А.А. Захаров. Фотография из следственного дела 1935 г.

союзной академии архитектуры, И.Н. Бороздин – заведующим кафедрой Педагогического института им. Бубнова, А.А. Захаров – заведующим библиотекой Музея Антропологии МГУ (Дело по обвинению Башкирова... Л. 5, 14, 20). Таким образом, хотя репрессии против них не были непосредственно связаны с кампанией по разгрому РАНИОН, начатой еще в 1931 г. (Формозов, 1995. С. 47), но при этом, безусловно, арест этих ученых стал одним из мероприятий идеологической чистки, ликвидации системы высшего гуманитарного образования, репрессирования краеведов, музеиных и институтских работников в конце 20-х – первой половине 30-х гг. (Формозов, 1995. С. 43–57). Кроме того, как мы увидим из материалов изучаемого дела, дополнительным компрометирующим показателем стал для следователей тот факт, что некогда все трое работали в системе “идейно сомнительной” РАНИОН и были знакомы с ленинградскими и, главное, московскими учеными, проходившими по знаменитому “Академическому делу” 1929–1931 гг., сформированному органами ОГПУ в Ленинграде⁶. “От “Академического дела” отпочковался еще ряд дел” (Формозов, 1998. С. 195), и рассматриваемые нами

⁶ “Академическое дело”, оно же дело о “Всенародном союзе борьбы за освобождение свободной России”, к настоящему времени подробно освещено в научной литературе, а следственные материалы по нему частично опубликованы (См.: Перченок, 1991; Академическое дело..., 1993; 1998; Формозов, 1998. С. 192–195).

следствие и суд если не непосредственно, то опосредованно стояли в этом ряду.

Первым, как уже было сказано, арестовали профессора А.С. Башкирова. В Академии архитектуры, где он работал, внимательно следили за его высказываниями – в справке на арест, датированной 5 января 1935 г., они занимают несколько страниц. Приведем одно из наиболее ярких мест, где, даже если принять во внимание то, что “антисоветская составляющая” служливо выпячивалась в агентурных донесениях секретных сотрудников органам НКВД, мы найдем свидетельство гражданской позиции отечественных ученых, искренне болевших за будущее своей страны:

“... Индустриализация строится на костях и крови... Жертвы, которые принес рабочий класс России, настолько велики, что несколько поколений у нас принесено в жертву идею построения социализма в одной стране, идею, которую Сталин проводит в жизнь, не считаясь с кровью, проливаемой тем же рабочим классом, для которого и происходит так называемое “построение социализма”. Stalin – это тот Молох, в жертву которому приносятся миллионы человеческих жизней” (Дело по обвинению Башкирова... Л. 1).

Арестованные следом за А.С. Башкировым И.Н. Бороздин и А.А. Захаров также давно были под бдительным оком репрессивных органов, осведомленных об их критическом отношении к властям. В особенности это относится к А.А. Захарову, о чем свидетельствует восстановляемая по материалам дела предыстория его второго ареста. Еще в конце 20-х гг., работая в РАНИОН, он публично отказался присоединиться к проходившей в этом учреждении кампании по одобрению приговора по “шахтинскому делу”, сформированному по прямому указанию Политбюро (Дело по обвинению Башкирова... Л. 211). Мужество А.А. Захарова позднее проявилось и в выражении солидарности с коллегами, арестованными в рамках “Академического дела”, что стоило ученому места в РАНИОН. “При аресте профессора Готье Захаров открыто выступал в Институте археологии и искусствознания РАНИОНа с заявлением, что арест Готье есть акт насилия диктатуры пролетариата над наукой. Это выступление было зафиксировано в протоколе заседания и предшествовало демонстративному уходу Захарова из РАНИОНа” (Дело по обвинению Башкирова... Л. 58)⁷.

Следующая порция компромата, содержащегося в деле, касалась излишне вольных высказываний А.А. Захарова на его последнем месте работы в Музее Антропологии МГУ в 1931 г. в беседе с

⁷ Впрочем, в другом материале, показания одного из свидетелей, увольнение А.А. Захарова из РАНИОН связывается с более ранним событием – с его протестом против шахтинского процесса (Дело по обвинению Башкирова... Л. 211).

приезжим эстонским ученым (Дело по обвинению Башкирова... Л. 216, 217 об.). А.А. Захаров едва не лишился и этого места работы, но продолжал испытывать судьбу, позволяя себе критиковать и новые порядки в высшей школе, и внутриполитический курс правящего режима. В результате, как уже сказано, последовал первый арест и освобождение с условным наказанием. Отсрочка нового свидания с политической полицией оказалась совсем недолгой.

Следствие по делу трех профессоров начал двадцативосьмилетний сержант госбезопасности В.А. Смирнов, в анкетных данных которого стояло: “образование низшее”⁸. Позже В.А. Смирнов дослужится до начальника одного из подразделений Московского управления НКВД: по иронии судьбы он будет заниматься “чекистским обслуживанием” учебных заведений и студенческой молодежи столицы. В годы массового террора именно под его руководством будут сфабрикованы дела о мифическом московском филиале организации “Гитлерюгенд” и о “Союзе польских патриотов”. По этим делам осенью 1937 – весной 1938 г. в Москве было расстреляно более сотни молодых немцев и поляков – в основном политэмигрантов (См. об этом: Дель, Мусиенко, 1999. С. 33–38; Ватлин, 1999. С. 25–32). Но блестящей карьеры у В.А. Смирнова не получилось: в 1938 г. он был арестован и осужден, но не за фальсификацию следственных дел, а за участие в мифической “троцкистской организации”, в которую он был якобы завербован в 1934 г., т.е. именно тогда, когда “разворачивал” дело о заговоре московских археологов.

Технология следствия уже была разработана в НКВД до мелочей. Вначале оперуполномоченный вникал в обстоятельства жизни и деятельности подследственных. В связи с этим А.С. Башкирову как первому из дававших показания пришлось подробно знакомить следователя со своими личными обстоятельствами и кругом знакомых, а также с общей ситуацией в археологической науке. Его рассказы дают нам интересную информацию относительно постоянных попыток ученого сообщества воссоздать высшее гуманитарное, в частности, историко-археологическое образование, – попытку, в особенности усилившихся в 1934 г. в связи с постановлением ЦК ВКП(б) о преподавании истории. Речь шла, в частности, и об основании кафедры археологии в МГУ. “Разгром археологии в 1931 г., – рассказывал А.С. Башкиров, – и прекращение работ всех археологов и искусствоведов в Москве, принадлежащих к старой школе, естественно вызвали их разброда”. “В 1932 г. был ряд совещаний в доме ученых в комиссии по истории техники <...> среди работников разных специ-

альностей, были археологи: Городцов, Бороздин, Башкиров. Обсуждались вопросы организации археологических работ под флагом ист^{ории}техники <...>. Одновременно обсуждались вопросы о положении исторических и других гуманитарных наук (археологии, литературы, языка, этнографии, искусства), преподавание которых в 1-м МГУ было прекращено и восстановление которых считалось необходимым”. “В 1933 г. были отдельные встречи, ни к чему не приводящие. Оживление наступило с момента декрета о преподавании истории. Отдельные встречи выявляли надежды на новое объединение в 1-м МГУ – Городцов, Захаров, Бороздин, Некрасов, Протасов – все по отдельности высказывались об этом. У искусствоведов было то же” (Дело по обвинению Башкирова... Л. 397. Конверт. С. 1, 2).

Затем, после получения такой вполне объективной и никого не компрометирующей информации, следователь неожиданно для последственного начинал конструировать “контрреволюционный заговор” с участием нескольких человек. В дальнейшем в наличии этого заговора органам предстояло убедить новых обвиняемых, причем круг последних стремились максимально расширить.

Этап агрессивного давления на А.С. Башкирова начался почти сразу же после его ареста и продолжался до тех пор, пока внимание следователей (помимо Смирнова дело вели оперуполномоченные Марков и Аленцев) не переключилось на арестованных 14 февраля 1935 г. И.Н. Бороздина и А.А. Захарова. Материалы следственного дела дают нам возможность реконструировать “расписание” допросов А.С. Башкирова. Фиксация временной протяженности и суточной периодичности допросов обнажает ту систему давления на подследственных, которая приводила к самооговорам и к ложным показаниям. А.С. Башкиров подвергся 17 допросам, из них 14 пришлось на январь–февраль. Нередко следователь указывал в протоколе не только дату допроса, но и время его начала и окончания. В результате обнаруживается, что А.С. Башкирова часто допрашивали ночью (причем в определенный период – несколько ночей подряд). Поскольку устав Бутырской тюрьмы, в которой содержались А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин и А.А. Захаров, не допускал дневного сна заключенных, логично предположить, что мы здесь имеем дело с тактикой изнурения подследственного. Показательно также, чтоочные допросы А.С. Башкирова от 14 января и 19 января, продолжавшиеся, по данным следователя, соответственно три часа и почти пять часов, протокольно отразились лишь в одном вопросе следователя и одном коротком ответе подследственного (Дело по обвинению Башкирова... Л. 40, 41, 50).

В одном из своих письменных заявлений А.С. Башкиров пытался убедить следователя в

⁸ Выписка из архивного следственного дела на Смирнова В.А. (Дело по обвинению Смирнова... Л. 67).

том, что его “упорство” является результатом не сокрытия фактов контрреволюционной деятельности, а их отсутствия⁹. Вряд ли оперуполномоченный не отдавал себе в этом отчета, но его интересовали не факты, а признательные показания, получить которые нужно было любой ценой. Работа следствия шла по известному сценарию, который будет окончательно отложен в период массового террора 1937–1938 гг. Реальные факты борьбы ученого сообщества за выживание археологической науки в условиях идеологического диктата немедленно получали криминально-политическую интерпретацию. Так, выезды на раскопки рассматривались как установление связей с местными контрреволюционными центрами и националистическими элементами (Дело по обвинению Башкирова… Л. 50, 77, 84, 86–88, 230). Письменные и непосредственные контакты с зарубежными учеными, в том числе с такими знаменитыми, как Э. Миннз¹⁰, А. Талльгрен и Э. Герцфельд, считались подтверждением контрреволюционной деятельности (Дело по обвинению Башкирова… Л. 95, 96). Даже рядовые встречи и дискуссии в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина трактовались как “подпольные собрания”¹¹. Деятельность “контрреволюционеров от археологии” оказывалась фактически идентичной истории РАНИОН. Следствие пыталось доказать, что их “подпольная организация” якобы возникла еще в 1924–1925 гг. одновременно с созданием в рамках РАНИОН Института археологии и Института искусствознания и соответственно включала не только самих подследственных, но и таких крупных ученых РАНИОН, как Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, А.И. Некрасов и др. (Дело по обвинению Башкирова… Л. 92). Учитывая, что к моменту следствия те же Ю.В. Готье и С.В. Бахрушин уже были осуждены по “Академическому делу”, ясно, что замыслы следователей были направлены на то, чтобы представить “группу Башкирова, Бородина и Захарова” как часть большой контрреволюционной

организации, основа которой была ликвидирована в ходе оперативных действий по “Академическому делу”. Не случайно следователи стремились получить от подследственных признания в их связях с ленинградскими историками, в первую очередь с академиками С.Ф. Платоновым, Н.П. Лихачевым – главными обвиняемыми по “Академическому делу”, а также с С.А. Жебелевым и С.Ф. Ольденбургом. Не случайно и то, что в обвинительном заключении, о котором еще пойдет речь, особо подчеркивались факты контактов подследственных в 1934 г. с вернувшимися из ссылки Ю.В. Готье и С.В. Бахрушиным (Дело по обвинению Башкирова… Л. 231).

Кроме того, в ходе следствия органы пытались выставить в качестве конкретного результата деятельности “контрреволюционной организации Башкирова, Бородина и Захарова” издание в 1927 и 1930 гг. книг Ю.В. Готье “Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства” и “Железный век в Восточной Европе” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 101, 103). Даже упомянутые инициативы по созданию кафедры археологии в МГУ оказывались предосудительными акциями (“Захаров предлагал приступить к организации археологического отделения при 1-м МГУ, где снова можно начать свою контрреволюционную работу” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 97).

Но при всем этом даже в протоколах допросов деятельность обвиняемых в содержательном плане не выглядела контрреволюционной. Так, А.С. Башкиров, откровенно заявив, что “в ряде вопросов” им “не разделялась политика пролетарской диктатуры”, разъяснял далее, что он был недоволен классовым отбором в вузы, игнорированием гуманитарных наук на фоне возвышения наук технических и естественных и, наконец, монополией марксистской методологии, ибо, как он подчеркивал, “наука в моем понимании может существовать и без марксистского теоретического обоснования” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 40, 41). А.А. Захаров говорил, что он выступал и выступает против планирования исследовательской деятельности, поскольку считает, что это подрывает свободу творчества; что он подвергает сомнению “классовость в науке”, поскольку “результаты науки должны являться достоянием всех классов”; что “взятые советским правительством темпы в строительстве” он считает чрезмерными и перенапрягающими силы (Дело по обвинению Башкирова… Л. 162). Кроме того, на том же допросе А.А. Захаров заявлял и о более серьезном пункте своего расхождения с властью: “Постоянное возмущение во мне вызывали репрессии, проводимые в Советском Союзе, и главным образом репрессии против научных работников. Против этого я протестовал”. Однако на по-

⁹ В частности, А.С. Башкиров пишет: “Прошу верить в мою осторожность в даче показаний, а не упорство” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 397. Конверт. С. 4).

¹⁰ О переписке А.А. Захарова с Э. Миннзом см.: Скифский роман, 1997. С. 317. В частности, в письме к М.И. Ростовцеву от 23.12.1931 Э. Миннз замечает: “Захаров мне часто пишет, а каждое письмо делает впечатление, что, может быть, это последнее. По характеру и обстоятельствам он стал так одинок, что в один прекрасный день возьмет и покончит с собою” (Скифский роман, 1997. С. 318). В одном из писем осени 1935 г. Э. Миннз сообщал М.И. Ростовцеву о том, что А.А. Захаров сослан в Алма-Ату (Скифский роман, 1997. С. 319).

¹¹ “Местами сборищ и обсуждения линии к/р деятельности являлись квартиры Любовского, Егорова, Городцова и в др. местах (библиотека Ленина)” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 86). Вероятно, в документе неточность: следует читать “Любовского”. Очевидно, имелся в виду Матвей Кузьмич Любовский (1860–1936), известный историк, ученик В.О. Ключевского, ректор МГУ в 1911–1917 гг.

следовавшее замечание следователя: “Следствие располагает данными о том, что Вы вели организованную к/р¹² деятельность”, – А.А. Захаров твердо отвечал: “Я категорически заявляю, что никакой к/р деятельности я не вел, ни в каких к/р организациях не состоял” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 162 об.).

Несмотря на все усилия следователя – вызов большого числа свидетелей и даже затребованные из Архива революции справки о возможной принадлежности кого-либо из профессоров к царской охранке или полиции (Дело по обвинению Башкирова… Л. 25), – “контрреволюционная организация” московских археологов явно не складывалась. После штурма в январе–феврале следственный процесс был заморожен, и только в конце мая состоялись очные ставки между обвиняемыми. Они говорили о чем угодно, но только не о своей мифической заговорщической деятельности. Вот характерный эпизод очной ставки от 28 мая, проливающий свет на то, какие усилия приходилось прилагать ученым старой школы для реабилитации фундаментальных предметов в высшем гуманитарном образовании:

“Бороздин: По вопросу о подготовке молодых специалистов Захаров говорил о том, что она является недостаточной, лишенной системы, он усиленно восставал против того, что в учебных заведениях на факультетах, где изучается древняя история, не ведется изучение древних языков, считал, что без древних языков нельзя создать специалистов, хотя бы они и владели новыми языками <...>

Захаров: Выставляемое мною требование о введении древних языков сейчас принято в МГУ на истфаке. И данный поступок я не считал антисоветской агитацией” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 166 об, 168).

Вообще А.А. Захаров проявил особую стойкость в этой ситуации. На первом же своем допросе, состоявшемся 16 февраля, на провокационный вопрос следователя: “Назовите лиц из числа Ваших знакомых, известных Вам как националисты, ныне проживающие в Москве”, он категорически парировал: “Таких знакомых у меня нет” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 148).

Эту линию противостояния А.А. Захаров выдержал вплоть до последнего допроса, во время которого особенно ярко проявилось его мужество. В тот день – 28 мая – этот тяжелобольной, с трудом передвигавшийся человек (об этом говорят содержащиеся в деле анкета арестованного, обращение его жены в спецколлегию Мосгорсуда с просьбой о его медицинском освидетельствовании и личное обращение А.А. Захарова (Дело по

обвинению Башкирова… Л. 23, 343, 349)) выдержал сначала две очные ставки со своими “подельниками”, а затем был подвергнут достаточно длительному допросу. На сей раз следователь не ограничился краткой фиксацией отказа обвиняемого признать себя виновным, а подробно записал его мотивировку. Этот документ является ярким примером того, как в условиях всевластия карательных органов люди сохраняли в себе силы на противостояние им. Не имея возможности опубликовать протокол допроса полностью, представим хотя бы несколько ключевых заявлений А.А. Захарова:

“Следствие я считаю волынкой, дерганьем нервов, и что обвиняемый не показывай, вопрос о нем уже предрешен. Так я сужу по примерам из камеры Бутырского изолятора. Всех высыпают (имеется в виду высылка за “контрреволюционную деятельность”. – Авт.), хотя я считаю, что многие не имеют никакой вины и не заслуживают наказаний <...> Я считаю себя человеком законченным и далее к научной работе не способным. Органы Советской власти заставить работать меня не смогут, они могут меня уничтожить, но работать я не буду. Я считаю, что в настоящее время идет самый настоящий террор против научных работников, и давать показания нахожу излишним, поскольку мне абсолютно не верят” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 160).

А.А. Захаров не только коснулся судеб науки, но и дал резкую оценку тогдашней государственной политике. “Я являюсь сторонником действительно демократических свобод, т.к. думаю, что истина выясняется при столкновении и критике самых разнообразных мнений. Этого нет в Советском Союзе, и я был против этого. Марксистско-ленинское учение я считал подлежащим критике”, – говорил он на допросе (Дело по обвинению Башкирова… Л. 162). В другом документе – в своем заявлении прокурору – А.А. Захаров также не останавливался перед тем, чтобы указать репрессивным органам на их произвол, резонно подчеркивая, что за свои “немарксистские взгляды” он уже получил условный срок в 1934 г., а дважды за одно и то же не приято осуждать¹³.

Следователь В.А. Смирнов и его начальство, очевидно, рассчитывавшие первоначально на масштабный разворот дела, не уступавший “Академическому”, оказались в непростом положении. При составлении обвинительного заключения им оказалось недостаточно скучных признательных заявлений некоторых из обвиняемых и показаний

¹² То есть “контрреволюционную”. Так во всем деле, и соответственно во всех цитатах из дела здесь и далее.

¹³ Он, в частности, писал: “... ряд обвинений, предъявляемых мне, как то протест против смертной казни, были уже предметом моего привлечения в 1934 г. и, следовательно, теперь я вторично обвиняюсь по тем же пунктам, что и ранее, и за которые я уже получил наказание. Ясно, что нельзя несколько раз осуждать за одно и то же” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 349).

тех свидетелей, которые под давлением работников НКВД во время следствия были вынуждены дать негативные отзывы о своих коллегах. Ощущая узость обвинительной базы, следователи решили дополнительно опереться на пространные цитаты из опубликованных статей и рецензий научных оппонентов подследственных. В частности, в дело в качестве улики подшит полный выпуск “Сообщений ГАИМК” за 1932 г. (№ 1–2), содержащий весьма критическую рецензию К.В. Тревер на книгу А.С. Башкирова “Искусство Дагестана” (М., 1930); столь же внимательно следствие отнеслось и к рецензии А.Ю. Якубовского в “Проблемах истории материальной культуры” (1933, № 3–4) на сборник статей под редакцией И.Н. Бороздина (“Художественная культура советского Востока”. М.; Л., 1931). Следователи усердно выискивали наиболее резкие замечания рецензентов, тщательно подчеркивали эти строки в тексте, с тем чтобы затем процитировать некоторые фрагменты в обвинительном заключении (Дело по обвинению Башкирова… Л. 233, 234). Ясно, что сами авторы рецензий были далеки от мысли, что оценки, высказанные ими в пылу научной полемики, будут когда-либо рассматриваться как доказательства обвинения¹⁴. Не часто оружием НКВД оказывалась научная критика, пусть даже в полемически заостренной форме, вообще характерной для 30-х годов.

Несмотря на все эти усилия, В.А. Смирнову и его сотрудникам не удалось инкриминировать подследственным какие-либо конкретные преступные действия. Впрочем, обвинительное заключение, подписанное 21 июня 1935 г., начиналось многозначительной фразой о том, что “СПО УГБ УНКВД МО арестована группа научных работников гуманитарных наук (историки, археологи, этнографы), систематически занимавшаяся пропагандой к/р националистических идей”. В реальности эта группа “историков, археологов, этнографов” состояла всего лишь из трех известных нам человек: следствие воспользовалось здесь тем, что А.А. Захаров был одновременно историком и археологом, И.Н. Бороздин – историком, археологом и этнографом¹⁵, а А.С. Башкиров – археологом и этнографом.

Далее в этом документе следствие пыталось представить трех профессоров в качестве активных контрреволюционеров с большим стажем, для чего их “амальгамировали” с фигурантами “Академического дела”. В обвинительном заключении подчеркивалось, что “указанная группа – Башки-

¹⁴ Таким образом, восстанавливаемая на основе данного следственного дела хронология событий показывает, что рецензия К.В. Тревер на книгу А.С. Башкирова была опубликована не в тот момент, когда он уже был репрессирован (Формозов, 1998. С. 197), а задолго до этого.

¹⁵ И.Н. Бороздин был также литературным и театральным критиком (см.: Бороздина, 2000).

ров А.С., Бороздин И.Н. и Захаров А.А., в прошлом – до 1930 г. была тесно связана с представителями к/р националистических формирований реакционных кругов профессуры и научных работников историко-археологических и этнографических наук (Дело по обвинению Башкирова… Л. 49, 84, 86, 87, 88) и на протяжении нескольких лет вела к/р работу в плане срыва подготовки полноценных кадров <…>.

Приблизительно с лета 1934 г. участники группы <…> пытаются объединить вокруг себя к/р настроенных работников, для чего устраивают встречи с возвратившимися из ссылки Бахрушиным, Готье, Лобовским¹⁶ и др. (Дело по обвинению Башкирова… Л. 90, 91), входят в московские реакционные круги научных работников и продолжают вести систематическую к/р работу на культурном фронте” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 230, 231). Как видим, те самые собрания ученых, обсуждавших вопросы восстановления исторического образования, о которых рассказывал А.С. Башкиров, теперь были представлены как контрреволюционные заговорщики сходки.

Однако несмотря на столь многообещающее начало, никаких реальных фактов антиправительственной деятельности подследственных обвинительное заключение не приводило, если не считать стандартных и обтекаемых фраз о том, что “обвиняемые систематически вели антисоветскую агитацию” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 231), “пропаганду националистических идей” и реализовывали (“протаскивали”) “свои враждебные установки в науке” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 235). Явно фальсифицированы были и обвинения профессоров в национализме и шовинизме, также отражавшие политическую конъюнктуру того времени. При этом по ходу следствия обвиняемым – членам единой, по мысли следователей, контрреволюционной организации – инкриминировали национализм совершенно противоположного толка: А.С. Башкирову – пантюркизм (имея в виду его связи с археологами Крыма)¹⁷, А.А. Захарову – русский национализм, а И.Н. Бороздину – и то, и другое.

Наконец, в вопросе об антиправительственной организации как таковой следствие вынуждено было ограничиться весьма неопределенной формулировкой о “контрреволюционной национали-

¹⁶ Вероятно, с М.К. Любавским (см. примечание 11).

¹⁷ В частности, указывалось (далее мы полностью сохраним орфографию, пунктуацию и стилистику документа), что А.С. Башкиров, “проводя археологические раскопки, обеспечивал указанных лиц фактическим материалом, поддерживающим их пантюркистскую теорию, сводящуюся к идеализации Турции и рассматривавшую татар как часть турецкой семьи, следовательно, в результате это давало право Турции в территор. <иальном> полит. <ическом> присоединении к себе турецких народов СССР и основание к этому требовать самими крымскими татарами это присоединение” (Дело по обвинению Башкирова… Л. 50).

стической группе, имевшей тенденцию к организационному оформлению” (Дело по обвинению Башкирова... Л. 235).

При этом следователи явно стремились подчеркнуть общественную опасность подследственных, для чего методом “домино” пытались еще более расширить круг обвиняемых и тем самым, возможно, создать впечатление о широкомасштабном заговоре московских археологов. Не случайно в завершающей части обвинительного заключения зафиксировано намерение органов инициировать еще одно следствие в отношении нескольких видных ученых, якобы связанных с “контрреволюционной группой Башкирова, Бороздина и Захарова” (Дело по обвинению Башкирова... Л. 236). В их числе был упомянут не кто иной, как патриарх отечественной археологии Василий Алексеевич Городцов¹⁸. Этому тезису обвинительного заключения предшествовали упорные попытки по ходу следствия подтолкнуть обвиняемых к дискредитации В.А. Городцова; тщательно фиксировалось все, что казалось следователям компрометирующими материалом. При этом в фокусе внимания органов в качестве контрреволюционной акции оказалось одно из крупнейших научных достижений В.А. Городцова – развитие принципов типологического метода, сделавшее в эти годы имя ученого знаменитым в Европе и Америке. “В 1926 г. на одном из собраний членов контрреволюционной организации археологического отделения (РАНИОН. – Авт.) Городцовым было предложено проводить обработку археологических материалов механистическим историко-сравнительным и типологическим методом” (Дело по обвинению Башкирова... Л. 94). “Являясь сторонником типологического метода, он поручал студентам разработку типов бытового инвентаря, украшений и пр. той или иной культуры, чем создавал схоластическое отношение, прорабатывал эти вопросы главным образом в своих практических вопросах со студентами” (так в тексте. – Авт.) (Дело по обвинению Башкирова... Л. 102). Абсурдными для современного читателя, но вполне приемлемыми для следователя были и другие обвинения в адрес знаменитого ученого: “В 1-м МГУ на лекциях и на семинарах Городцов, работая по курсу доисторической археологии, главным образом разрабатывал вопросы археологии Русской равнины, главным образом делал ударение на культуру восточных славян, в частности вятичей и финских племен (так в тексте. – Авт.). Этим защищалась расовая точка зрения дельния народов на отдельные племена вопреки марксистской методологии, рассматривавшей

культуру народов по формациям” (Дело по обвинению Башкирова... Л. 99).

Однако новое следствие, по которому обвиняемым был бы уже В.А. Городцов, так и не было начато, – во многом благодаря тому, что А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин и А.А. Захаров, с которыми он якобы имел контрреволюционные связи, никак не пожелали на суде признать какие-либо конкретные факты своей антиправительственной деятельности.

Между тем подготовка судебного процесса (обвинение по статьям 58-10. Ч. 1. 58-11 УК РСФСР) стала последней попыткой властей сохранить лицо. Среди вызванных на суд в качестве свидетелей оказались такие видные, в будущем крупнейшие археологи, как А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, С.В. Киселев и другие. Но, назначив разбирательство дела на 29 июля, суды не учли специфики археологической работы – в разгаре был полевой сезон, что давало многим свидетелям благовидный предлог избежать участия в судебном фарсе. В деле содержится несколько справок из учреждений, где работали вызываемые в суд свидетели, в которых сообщается о невозможности их присутствия на процессе ввиду пребывания в экспедициях (см., например: Дело по обвинению Башкирова... Л. 357 об.). Таким образом, неявка многих свидетелей (Н.Л. Эрнста не смогли вызвать из Симферополя, С.В. Киселева, А.Я. Брюсова и др. не было в Москве) в значительной мере способствовала развалу дела в ходе судебного заседания.

Но главную роль в этом сыграло поведение на самом суде обвиняемых и тех свидетелей, которые все же явились. Несмотря на закрытый и несостязательный характер процесса в спецколлегии Мосгорсуда, И.Н. Бороздин и А.А. Захаров полностью, а А.С. Башкиров частично отрицали предъявленные им обвинения. Свидетели же, в частности А.В. Арциховский, фактически подтвердили необоснованность выводов следствия, ограничившись лишь указанием на немарксистский характер научных взглядов обвиняемых¹⁹, что, впрочем, соответствовало действительности и чего не считали нужным скрывать и сами профессора, получившие образование задолго до революции.

В результате трех заседаний суд принял 9 августа 1935 г. решение “об отложении дела слушанием” (Дело по обвинению Башкирова... Л. 381), после чего судебная процедура больше не возобновлялась, а дело было направлено прокуратурой

¹⁸ В частности, А.В. Арциховский заявил следующее: “Башкиров во всех своих выступлениях несоветского не говорил”, “Бороздин лучше знал марксистско-ленинскую теорию, насчет шовинистических взглядов я его статей не читал”, “Захаров со старыми взглядами XIX в. – с домарксистскими взглядами.” (Дело по обвинению Башкирова... Л. 379). Ср. сходные данные в работе П.А. Бороздиной (2000. С. 109, 110).

¹⁹ В обвинительном заключении говорится: “Весь следственный материал в отношении других проходящих по следственному делу – Денике, Городцов, Бахрушин и др. – выделить в копиях в особое производство” (Дело по обвинению Башкирова... Л. 236).

на Особое совещание НКВД. 14 сентября обвиняемые, так и не выпущенные на свободу, по распоряжению ОСО были сосланы на три года (считая со дня ареста) в Казахстан “за контрреволюционную деятельность” без указания на какую-либо статью Уголовного кодекса (Дело по обвинению Башкирова... Л. 391–393). В 1955 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР полностью реабилитировала всех троих по этому обвинению (Дело по обвинению Башкирова... Л. 401, 402)²⁰.

Какова же была судьба трех профессоров непосредственно в ссылке и после нее? Упомянутые выше некрологи И.Н. Бороздина и А.С. Башкирова, опубликованные в 1960 и 1963 гг., не содержат никакой информации о самом факте репрессирования этих ученых. По данным внутриведомственной переписки из изученного нами дела, А.С. Башкиров после отбытия трех лет ссылки работал в Калинине преподавателем кафедры археологии местного педагогического института (Дело по обвинению Башкирова... Л. 360, 373). С 1945 г. до своей кончины (в Москве, 1 января 1963 г.) он, как указывает Н.В. Пятышева, заведовал кафедрой всеобщей истории в Ярославском педагогическом институте (Пятышева, 1963. С. 316); по сведениям исследовательницы, он работал также в Калининском пединституте и в Московском пединституте им. Потемкина (Пятышева, 1963. С. 316).

Публикация замечательного исследования П.А. Бороздиной, как уже сказано, восполнила пробел в информации о судьбе И.Н. Бороздина. П.А. Бороздина, опираясь, в частности, на материалы соответствующего нового следственного дела, сообщает, что И.Н. Бороздин, высланный в Алма-Ату, работал в Казахском госпединституте, а в ночь с 17 на 18 ноября 1937 г. он был вновь арестован, на этот раз органами НКВД Казахстана, и приговорен к 10 годам ИТЛ, о чем ему сообщили 5 декабря 1937 г., когда отправляли по этапу; при этом на следствии от него безуспешно добивались компрометации А.А. Захарова (Бороздина, 2000. С. 111, 112). Эту информацию подтверждает внутриведомственная переписка, содержащаяся в материалах изученного нами следственного дела 1935 г., но относящаяся к более позднему времени: здесь сказано, что И.Н. Бороздин был повторно осужден 1 декабря 1937 г. Тройкой Управления НКВД Алма-Атинской области (Дело по обвинению Башкирова... Л. 396). В работе П.А. Бороздиной освещена и вся дальнейшая биография этого

²⁰“Постановление Особого совещания при Народном Комиссаре Внутренних дел СССР от 14 сентября 1935 года по делу Башкирова Алексея Степановича, Бороздина Ильи Николаевича и Захарова Алексея Алексеевича отменить и дело о них прекратить за недоказанностью предъявленного им обвинения” (Дело по обвинению Башкирова... Л. 402).

мужественного человека – пребывание в лагере, досрочное освобождение в 1943 г. (его реабилитация по обоим обвинениям состоялась лишь в 1955 г.) и последующая работа – сначала в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории Ашхабадского пединститута, затем, с 1949 г. до его кончины в 1959 г. – в качестве заведующего кафедрой всеобщей истории Воронежского университета (Бороздина, 2000. С. 112–163; см. также Москаленко, 1960. С. 311).

Иначе сложилась судьба А.А. Захарова. А.А. Формозов, опираясь на данные М.А. Миллера, отметил, что А.А. Захаров “был выслан в Алма-Ату полупарализованным, прикованным к креслу” и дальнейших сведений о нем нет (Формозов, 1998. С. 198). Материалы изученного нами дела подтвердили эту информацию о состоянии его здоровья, но никаких данных о А.А. Захарове после его высылки в Казахстан здесь не содержится, если не считать реабилитационного постановления Верховного Суда от 1955 г. Уведомление о реабилитации А.А. Захарова было вручено его сыну, как видно из соответствующей расписки, содержащейся в деле (Дело по обвинению Башкирова... Л. 405), тогда как А.С. Башкиров и И.Н. Бороздин получили эти уведомления лично, как обычно и делалось в случае, если реабилитируемый был жив к этому моменту. До сих пор в биографической литературе предполагалось, что А.А. Захаров умер в 1947 г. (И за строкой воспоминаний..., 1997. С. 268; Скифский роман, 1997. С. 326; Четыре письма..., 1999. С. 38. Прим. 5). Однако исследование П.А. Бороздиной, очевидно, подводит печальный итог этой теме. В соответствии с приведенными ею данными из следственного дела 1937 г., выясняется, что Тройка Управления НКВД Алма-Атинской области, осудившая 1 декабря 1937 г. И.Н. Бороздина, в тот же день приговорила А.А. Захарова к расстрелу (Бороздина, 2000. С. 109).

Известный финский археолог А.М. Талльгрен в своем в целом благожелательном обзоре “Археологические исследования в Советской России”, опубликованном в X томе издаваемых им “Древностей Северной Евразии” (постоянным автором которых был А.А. Захаров²¹), с горечью писал о результатах своей вторичной после 1920-х гг. поездки в СССР, состоявшейся в 1936 г.: “Я посетил учреждения, в которых мне не встретился ни один сотрудник, который бы работал там в 1928 г.

²¹А.А. Захарову принадлежат в этом издании статьи на самые разнообразные темы: по археологии Сибири (о раскопках Берельских курганов В.В. Радловым (ESA. III)), по археологии Дагестана (ESA. V, VI), по скифской (ESA. VII) и славянской археологии (ESA. IX). Показательно, что А.А. Захаров не прекратил своего участия в “Eurasia septentrionalis antiqua” и после того, как в 1931 г. А.М. Талльгрен и его журнал подверглись резкой политической критике в советской археологической печати (см.: Скифский роман, 1997. С. 501, 502).

Я могу упомянуть несколько археологов, которые были отстранены: Г. Боровка, И. Фабрициус, М. Грязнов, Яворницкий, В. Козловская, М. Макаренко, А. Миллер (умер), С. Рудинский, С. Теплоухов (умер), А. Захаров, Б. Жуков (умер). Среди них – блестящие ученые и достойнейшие люди, преданные и сильные граждане своей страны <...> Как же, должно быть, богато человечество, если оно может обойтись без таких прекрасных людей. Но может ли мир, могут ли Советы позволять себе прерывать творческую деятельность людей, обладающих интересом, энтузиазмом, знаниями и способностями? Не все из этих людей лишились своих жизней, но все они были сосланы. 1931 год, равно как и конец 1934 – начало 1935 года были особенно тяжелыми временами для музейных сотрудников” (Tallgren, 1936. P. 149) (ср.: Формозов, 1995. С. 43–46).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.

Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. Ч. 1–2. СПб., 1998.

Боброва С.П. И.Н. Бороздин как историк-славист // Советское славяноведение. 1986. № 1.

Бороздина П.А. “Думой века измерил...” // Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. Воронеж, 2000.

Ватлин А. Союз польских патриотов. Польские студенты в Бутове // Бутовский полигон. 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 3. М., 1999.

Дело по обвинению Башкирова А.С., Бороздина И.Н. и Захарова А.А. // ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. № П21128.

Дело по обвинению Смирнова В.А. // ГАРФ. Д. П50139. *Дель О., Мусиенко Н. Гитлерюгенд и другие фальсификации НКВД // Бутовский полигон. 1937–1938. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 3. М., 1999.*

И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма. К 125-летию Государственного Исторического музея. М., 1997.

Москаленко А.Е. И.Н. Бороздин // СА. 1960. № 2.

Москаленко А.Е. Памяти И.Н. Бороздина (1883–1959) // Вопросы истории славян. Вып. 1. Воронеж. 1963.

Носкова Л.М., Эрлих В.Р., Мкртычев Т.К., Днепровский К.А. Археология в Государственном музее Востока // РА. 2000. № 3.

Перченок Ф.Ф. Академия наук на великом переломе // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991.

Пятышева Н. А.С. Башкиров // СА. 1963. № 3.

Скифский роман. М., 1997.

Смирнов В.Ф. Высокое призвание. Профессор И.Н. Бороздин и его деятельность в Воронежском университете // Вестник Воронежского государственного университета. 1998. Сер. 1. Гуманитарные науки.

Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995.

Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. 1998. № 3.

Четыре письма Б.Н. Гракова к Э.Х. Миннзу (публикация Г.М. Бонгарда-Левина) // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

Miller M.A. Archaeology in the USSR. New York, 1956.

Tallgren A.M. Archaeological studies in Soviet Russia // ESA. 1936. X.